

18+

А. И. Никифоров

Пушка-полковушка Или выстрел от Немана до Берлина

Александр Никифоров

**Пушка-полковушка, или
Выстрел от Немана до Берлина**

«Издательские решения»

Никифоров А.

Пушка-полковушка, или Выстрел от Немана до Берлина /
А. Никифоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906187-4

В первые дни войны, которую потом назовут Великой Отечественной, мало кто думал, что она станет самой большой катастрофой и самым большим триумфом для нашей Родины. Но уже тогда, несмотря на катастрофу Красной армии, появлялись первые герои, которые своим подвигом приближали такую еще далекую для всех Победу.

ISBN 978-5-44-906187-4

© Никифоров А.
© Издательские решения

Пушка-полковушка, или Выстрел от Немана до Берлина

Александр Никифоров

– Мой дед капитан Красной армии Никифоров Василий Петрович, начальник штаба дивизиона 467 корпусного артиллерийского полка погиб 3 августа 1941 года, при задержании наступления фашистско-германских войск на Западном фронте. Но я так хотел, чтобы он жил...

© Александр Никифоров, 2018

ISBN 978-5-4490-6187-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда гул самолетов перестало быть слышно, повисла зловещая тишина. Еще пять минут назад вселяющие ужас взрывы и свист падающих бомб заглушали крики людей и животных, и вот наступило это пугающее затишье.

Николай в эти секунды слышал только стрекочущего кузнечика. Он приоткрыл глаза и увидел длинноногое насекомое, издающее с детства знакомый треск «цици-цвирк-цици-цвирк». Потом оторвал голову от земли и посмотрел на изуродованные взрывами траншеи и пушки, батарея была уничтожена. Он попробовал крикнуть: «Есть кто живой?», но во рту все пересохло и на зубах скрипел песок, поэтому он скорее хрипел, чем кричал.

«Почему полный рот песка?» – подумал Николай и начал вспоминать, как кинулся к снаряжным ящикам, чтобы закрыть их маскировочной тканью. В этот момент справа что-то рвануло и его откинуло взрывной волной в заросшую кустарником ложбинку, а сверху на него упала груда земли.

Встав на четвереньки и ощупав себя, он понял, что даже не ранен. Правда, в ушах немного звенело, видно, не успел сразу открыть рот, вот его и оглушило. Поднявшись на ноги, он еще раз огляделся. Создавалось впечатление, что на их небольшой участок оборонительного плацдарма сброшено бомб двести. Обходя позицию батареи, испещренную воронками и рытвинами, Николай пытался найти хоть кого-то живого, но внутренний голос пугал его, что он остался один.

Наконец, подойдя к своему расчету, с удивлением обнаружил, что его 76-мм пушка совсем не пострадала, а просто лежала на боку, перевернутая взрывом. Прижатый левой станиной, хрипел его лучший друг Артем.

Вытащив его из-под орудия, Николай увидел развороченный осколком живот.

– Вот, братишка, тебя угораздило, – сказал он, подкладывая под голову товарища снарядную гильзу.

Глядя на это ранение, Коля понимал, что другу осталось жить последние минуты. В этот момент Артем открыл глаза, улыбнулся и, тяжело дыша, попросил воды.

– Ну что же, попей, дружок, напоследок, – приговаривал Николай, пытаясь из солдатской фляжки напоить раненого.

Потом расстегнул ворот гимнастерки, чтобы Артему было легче дышать. Под гимнастеркой был неуставной тельник. За него Тёма не раз получал внеочередные наряды от старшины, но расставаться с ним не хотел. Он коренной Ленинградец, хотел служить во флоте, но судьба распорядилась иначе.

Артем Морозов был старше Николая на два года, его родители погибли еще в 1921 году во время Кронштадтского восстания. Как рассказывал Тёма, его отец был капитаном на линкоре. Может, врал, конечно, да кто теперь проверит. Прибился он мальком к беспризорникам и семь лет прожил Детскосельском вокзале. Причем в детстве был уверен, что его называют Детскосельским, потому как там живет целая ватага детей, таких же беспризорников. Раз а три его по решению деткомиссии отправляли в сиротские дома и трудовые колонии, но он оттуда сбегал на свой родной вокзал.

В 28-м году сотрудники ГПУ окончательно покончили с беспризорщиной в городе вождя, и Морозов попал в «трудовую коммуны», где получил специальность токаря. Он вообще был смышленный и даже занял первое место среди таких же «коммунаров» по станочному делу. Но его всегда влекло в море, и когда ему исполнилось семнадцать, он записался юнгой на ледокол «Красин». Проходил полгода, а вот когда пришло время аттестации на палубного матроса, он с боцманом зачем-то хлебнул «шила» и его списали на берег. Тогда-то и пошел он по первой специальности токарем на «Кировский» завод.

В 1937 году после расстрела Тухачевского, который утверждал необходимость перехода на динамореактивную (безоткатную) артиллерию, СССР, не получив многообещающих новшеств, осталась со старыми разработками. Правительство дало задание срочно разработать пушку с новыми тактико-техническими характеристиками. На «Кировском» изготовили пушку Л-12. Над её созданием, как раз и работал цех, где токарем был Артем. И хотя она прошла все испытания государственной комиссии, для серийного производства была рекомендована пушка Ф-22УСВ Горьковского 92-го завода. Её еще называли «полковушкой» или «косой смерти Граблина», в честь главного конструктора этого орудия.

В экспериментальном цехе при КБ Граблина В. Г. тогда трудился Николай, сначала фрезеровщиком, а потом и приемщиком ОТК. Поэтому, будучи друзьями, они являлись, к тому же непримиримыми спорщиками. Артем утверждал, что Граблин, еще работая в ОКБ «Кировского завода», увел саму идею пушки Л-12 и воссоздал её аналог уже в Горьком. На что Николай не соглашался и как основной аргумент в пользу Ф-22УСВ приводил, что система полуавтоматики была принципиально другая и гораздо выше по надежности.

Они могли часами спорить об особенностях этих орудий, но на вооружении в их батарее стояли пушки 92-го завода и, что самое примечательное, на их «полковушке» стояло клеймо приемщика, а сегодня уже «наводчика», Николая Орлова. Коля сам был удивлен этому обстоятельству, когда по прибытию в часть его определили в четвертый оружейный расчет к старшине Перетятко.

И вот теперь лучший боевой товарищ, «замковой» расчета, лежит с развороченным животом и делает последние вздохи. Поддерживая его под спину ладонью, он услышал, как перестает биться сердце друга.

«Вот так приходит смерть», – подумал он и вскоре закрыл глаза бездыханному Артему.

«Как же так мы еще не убили ни одного немца, а они всю батарею в окрошку порубили?» – возмущался он, продолжая обходить позиции в надежде найти еще кого-нибудь живого. Но количество осколочно-фугасных авиабомб, упавшее на их батарею, не оставляло никаких шансов. Создавалось впечатление, что земля усыпана осколками, как градинами после грозы.

На бруствере лежал старшина Перетятко, артиллерист еще с гражданской. Будучи командиром расчета, он любя называл орудие «трехдюймовочкой» и требовал от всего четвертого расчета если не любви к пушке, то искреннего уважения. Сейчас же ему как будто аккуратно срубили часть лица, крови было не много, даже подбитые сединой усы были равно приглажены, только не было правого глаза и части черепа.

Пройдя все восемь оружейных расчетов, он повернул к командирскому блиндажу, скорее это даже был не блиндаж, а «перекрытая щель», где капитан Никитин и связист пытались

получить указания от дивизионного командования. Накатанные на траншею на скорую руку бревна сейчас напоминали рассыпавшиеся из пенала карандаши.

Посеченный осколками связист застыл в неестественной позе, а капитана привалило бревнами, и он тоже не подавал признаков жизни. Все же Николай решил убедиться в этом окончательно и начал разбирать завал, аккуратно скатывая бревнышко за бревнышком. Капитан лежал лицом в землю, на затылке у него было рассечение, скорее всего, его ударило балкой по голове и оглушило. Но самое неприятное было то, что в районе груди растеклась огромная лужа крови. «Похоже, упокоился Василий Петрович», – потихоньку переворачивая тело, подумал Коля.

Он считал командира своим земляком, тот был родом из Костромы, а значит тоже волгарь. Да и капитан относился к сержанту Орлову по-особенному. На недавних учениях орудейный расчет Перетятко выполнил учебную задачу на отлично, тогда они прошли с оружием марш-бросок в десять километров, развернули пушку в боевое положение и провели стрельбы со стопроцентным уничтожением предполагаемого противника. Здесь особой похвалы заслужил как раз «наводчик» расчета, за что и получил благодарность и увольнительную в город. Командир батареи подметил, что волгарь волгара не подведет и лично пожал руку.

Бережно взяв капитана за плечи, Орлов перевернул его и увидел, что на шее бьется жилка.

– Живой, Василь Петрович, землячок вы мой родненький. Сейчас я вас осмотрю, что тут у вас за ранение? – причитал сержант.

Стянув с Никитина гимнастерку, он увидел пульсирующую кровоточащую рану. Судя по всему, осколок повредил плечевую артерию. Как учил военврач на занятиях об оказании первой помощи, он наложил тугую повязку, на рану приложил солевой компресс и согнутую в локте руку крепко прибинтовал к грудной клетке.

– Все будет хорошо, вы же волгарь, мы крепкие. Пустяк, у вас царапина. Нам с вами еще немцев до Берлина гнать, – пытался он разговаривать капитана.

Николай понимал, что не так страшна рана, как то, что потеряно много крови и ругал себя за то, что сразу не пошел к блиндажу. Теперь надо как-то вытащить командира из траншеи, а он тот ещё бугай, килограммов под сто. «Найду плащ палатку, сделаю из бревен наклонную плоскость на бруствер и попытаюсь волоком тащить, – рассуждал он, – только бы сил хватило, в таком состоянии нельзя сильно теревить раненого, откроется опять кровотечение и тогда хана».

В это время он услышал крики:

– Хлопцы, чего вы? Всех подбило, что ли? Товарищ Перетятко! – крик переходил на плач.

Николай узнал его по голосу. Это «снарядный» из их расчета, а в походе «ездовой», Петр Мозговой. Абсолютно никудышный артиллерист, он не то, что не понимал устройство пушки, но даже путал бронебойный снаряд с осколочно-фугасным, за что Артем частенько лупил его «банником» для чистки ствола. Бойцы не раз поднимали вопрос перед старшиной, что гнать надо Петьку из их боевого расчета, но тот всегда за него заступался.

– Вы лучше поглядите, как он за лошадьми ходит, – говорил Перетятко: – Да, может технически он и слабоват, но кони-то гляньте какие у нас, Орловские скакуны, даром, что Владимирский тяжеловоз. Вы бы видели, как в «Финскую» нас вот такой же «ездовой» спас. У других лошади недокормленные, не выгулянные и не отдохнувшие. Мы тогда отступали, так финны почти всю батарею ухайдокали, а наши коники и орудие вытащили, и нас спасли. Так что хороший ездовой в походе даже не полдела, а всё цело от него зависит.

И в этом была его правда. Мозговой так следил за своей упряжью, даже больше чем за собой. Гимнастерку не стирает, а лошадей своих чуть ли не языком вылизет. На всех учебных марш-бросках их расчет первым приходил на позицию, пока все еще тянулись и расчехля-

лись, они уже стояли развернутые в боевом порядке, готовые выполнять стрельбы. Но ребята Петьку не любили, да и Николай, чего душой кривить, тоже недолюбливал. Считал его деревенским тюфяком и белоказак, а когда он грязной ветошью протирал оружие, даже побил его легонько.

Теперь же Орлов был рад его слышать, хоть кто-то еще остался в живых. Выскочив из траншеи, обнял Петьку, как родного. Тот плакал, трясся всем телом, уткнувшись сержанту в подмышку, и причитал:

– Всех побили, всех, и людей, и лошадей, только мы вот остались, да «Мишка» с «Мушкой». Чего делать-то теперь, товарищ сержант? Немцы и нас побьют. Перетятко вона полбашки снесло. Куда бечь-то, товарищ сержант?

Надо было привести его в чувство, но как Николай не знал, он и сам был готов разреваться сейчас с Мозговым. Потом он вспомнил про раненого капитана и металлическим голосом скомандовал:

– Рядовой Мозговой, приведите форму одежды в порядок. Смирно! Ставлю задачу: у нас раненый комбатареи, надо уложить его на плащ-палатку и вытащить вон к тем посадкам. Выполнять!

Командный голос Орлова отрезвляюще подействовал на Петьку, он даже застегнул ворот гимнастерки, поправил ремень и вытянулся в струнку.

– Разрешите выполнять задание, товарищ сержант!

Вдвоем они осторожно уложили Никитина на «дождевик» и подняли наверх, потом встали один спереди, другой сзади и, как на носилках, перенесли его к ближайшему кустарнику.

Время уже было послеполуденное, ярко светило солнце, и птицы насвистывали на деревьях трели. В этот летний месяц птенцы начинают покидать свое гнездо. «Тсить-тсить» щебетал слеток мухоловки, с любопытством разглядывая непрошенных гостей к его кусту.

– Вона красота-то какая, товарищ сержант. Навроде того, что и войны-то никакой нет, жуя травинку и рассматривая маленькую птаху, блаженным голосом говорил рядовой.

Потом как-то задумался о своем и снова начал всхлипывать:

– Митьку тоже, вбили, друзяка моего, чего я теперь его мамке скажу? Я ему даже глаза не закрыл, бо нема у него их теперь, все лицо осколками порубило.

Митька – «ездовой» с соседнего оружейного расчёта, был родом с той же донской станицы, что и Мозговой. Он еще со старшиной воевал на «Финской» войне. А когда осенью их дивизион перебрасывали на запад, на дислокационном пункте он встретил земляка и уговорил Перетятко, похлопотать за станичника, чтоб его приписали к ним в батарею.

Зная, как плохо к нему относятся сослуживцы, Петька общался только со своими лошадьми, да с Митькой. Тот был постарше, его призвали весной 38 года. Он должен был сейчас демобилизоваться и поехать домой на Дон, но это вторжение немцев спутало его планы. Теперь вот он лежит не в копне свежескошенного сена на берегу Дона, а в окопе, посеченный осколками на берегу Немана. Митька приходился Мозговому каким-то дальним родственником, потому, он как мог, заботился о нем и учил воинской науке. Пройдя «Зимнюю войну» и будучи старослужащим, он пользовался авторитетом у своего «расчёта». Несколько раз он приходит к соседям заступаться за земляка, но в глазах того же Артема, Митька тоже был лапоть. Однажды за такие слова Тёма огреб по полной, оказывается, негоже казака лаптем называть. Петрухе тоже наваял за то, что тот терпит такие обзывательства и службы не знает.

Многие солдаты на тот момент носили ботинки с обмотками. Самые козырные, типа Артема, имели кирзовые сапоги, а эти два станичника носили «яловые», чем не раз вызывали

зависть у сослуживцев. Спокон века считалось, казаку без сапог не можно, это как девка без юбки. Какая может быть верховая езда без сапог? Вот и приходили казаки на сборные пункты со своей обувью.

Теперь Петька выл, сидя под кустом, о своем защитнике и друге донце, вспоминая станицу и всю родню. Только очередной окрик Николая вывел его из этого упадочного состояния.

– Чего ревешь, как баба? Сходи к реке, принеси воды в котелке. Освежить немного надо капитана, а то он совсем квелый. Заодно посмотри, что там, немцев на той стороне не видно? А я пока ему еще одну перевязку сделаю.

Капитан вроде бы дышал ровно и какие-то звуки издавал, но в себя так ни разу еще не пришел.

– Как думаешь, товарищ сержант, не помрет командир?

– Типун тебе на язык, – цыкнул Николай. – Давай дуй за водой, стоишь тут, панихиды поешь. Заскочи по дороге не третью огневую позицию, там у них санинструктор лежит, а рядом сумка с медикаментами, вроде бы целая. В общем, что там найдешь – тащи сюда.

Получив задание, Петька обрел осмысленный взгляд, утер рукавом слезы и затараторил:

– Я сейчас мигом, одна нога здесь, другая там. Может еще чего надо?

– Да иди ты уже быстрее, тебя хорошо за смертью посылать, сроду не дойдешь, – выругался Орлов и подтолкнул «ездового».

На самом деле Петька очень быстро обернулся, причем вода в его котелке была чистая и холодная. Санитарную сумку он тоже притащил.

– Ты где воду черпал, казак? – отпив несколько глотков, спросил Николай.

– Да я еще с ночи, как мы разворачиваться начали, приметил у берега родник. Немцев совсем не видно, я у товарища старшины бинокль забрал, ни души на той стороне, – рассказывал он, отдавая бинокль. – Можно я пойду лошадей напою?

– Каких еще лошадей? – видно Николай пропустил этот момент, в рассказе Мозгового.

– Ну так, «Мишку» и «Мушку». Я же говорил, еще перед бомбежкой всю упряжку отвел в дальние посадки, а как все это началось, я к ним кинулся, только малость глушануло меня, и не успел я добежать. А как налет кончился, добрался до них, уже четырех лошадаков нет в живых, а эти живые. «Мишка», правда, на ногу припадает, я посмотрел – так себе царапина, видно осколочком черкнуло. Ну я ему уже подорожника нажевал и залепил рану, думаю, заживет скоро. Так пойду, коников напою?

– Так ты же, гад, из-за своих коников позиции бросил! – заорал на него Николай, вспоминая, как бросился укрывать снарядные ящики, хотя это была Петькина обязанность, – я тебя контра, сейчас в расход пушу! А если бы у нас приказ был огонь открывать, а «снарядного» нет на месте?

Он передернул затвор винтовки и направил её на Мозгового. Потом осмотрелся кругом и понял, что говорит глупости. Какой приказ, какие стрельбы, если они даже чехлы со стволов не сняли и, опустив винтовку, уже примирительным голосом сказал:

– Ладно, иди, пои своих лошадей.

В это время, наконец-то, открыл глаза капитан. Видно родниковая живая водица вдохнула в него сил. Он был очень слаб и говорил почти шепотом:

– Доложите обстановку, сержант.

Орлов остановил Мозгового с водопоем, попросив его придерживать голову командира. Потом, раскрыв перед глазами Никитина полевую сумку, показывал на карте их позиции и доложил, что весь личный состав батареи погиб, в живых остались только они с рядовым Мозговым.

– Лично прошел все огневые позиции – живых нет. Думал вообще один остался, потом вот вас нашел, ну а после уже Мозговой с двумя единицами конной тяги проявился. Ждем дальнейших указаний, товарищ капитан.

– Да ты не ори так, я слышу хорошо, говорить тяжело. Значит, всю батарею разбомбили вчистую и что не одного целого орудия нет?

– Наша пушка одна не пострадала, всего-то на бок завалилась. Только что толку-то? Снарядов совсем нет, – докладывал Орлов.

– Скоро немцы здесь будут, надо увозить орудие, что бы этим гадам не досталось. Я так понял, у нас две лошади есть. Постарайтесь поставить пушку на колеса, запрягайте и уходить надо.

Тут Мозговой начал противиться:

– Товарищ капитан, для перемещения орудия нужна шестёрка лошадей, а у нас только двойка. Да и то, «Мишка» припадает на ногу, не можно так над животными, надорвем их.

Никитин закатил глаза кверху, посмотрел на бойца и продолжил:

– Можно, не можно, мы здесь не на параде. «Владимирский тяжеловоз» может с нагрузкой в полторы тонны идти по пересеченной местности, со скоростью километр за пять минут, а у нас их пара. Да и приказ «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» никто не отменял. Так что давайте, берите все ценное для военного времени и надо в лес уходить, – он показал на карте лесной массив Райгардасе. – Это приказ, и он не обсуждается, – прошипел комбатареи, глядя, как Мозговой пытается что-то возразить.

– Ну лошадей-то напоить хоть можно? – спросил рядовой.

– Что значит можно? Нужно. Пока будете обходить огневые позиции и пушку поднимать, пусть лошади отдохнут и отопьются, а то потом, конечно, придется им потрудиться. С собой берите только ППШ и боекомплект к ним, винтовки в реку покидайте и торопитесь, немец времени много не даст.

Петька отвел лошадей к реке, а Николай прошел все восемь боевых расчетов и нашел шесть целых автоматов, четыре пистолета ТТ и двадцать «лимонок» Ф-1. Затем собрал все целые винтовки в несколько вязанок, перетянув их ремнями, дождался Мозгового, и они отнесли их к реке, покидав с обрыва. Теперь надо было найти исправный оружейный передок и упряжь. Из трёх более-менее целых передков выбрали один, поменяв на нем только колесо, и там же нашли один ящик с осколочно-фугасным снарядами. Пока Орлов укладывал все добро в оружейный ящик, Мозговой вернулся с двумя тяжеловозами, по-заправски заложив двойку, проверив дышла, вальки и ваги и накинув петлю троса на щит пушки, другой конец привязав к конной упряжке. Петька потихоньку тащил лошадок под уздцы, а Николай контролировал подъем непосредственно у полковушки Немного поупиравшись, «Владимирцы» поставили её на колеса. Оставалось только заложить орудие в упряжь, когда Николай заметил на другой стороне Немана поднимающиеся вдалеке клубы пыли. Он приложил бинокль и разглядел несколько десятков бронетранспортеров и мотоциклов. « ».

– Немцы, Петька, валим быстрее до капитана, им ходу минут пять! – закричал Орлов, и, обернувшись, искал глазами бойца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.